

КУЛЬТУРА

ВЛАДИМИР МИНИН:

Труд - 1996 - 132 кг -
с. 6

«СЛАВА, МЕЖДУ ПРОЧИМ, — НЕ ЦЕЛЬ, А СЛЕДСТВИЕ»

Московский камерный хор, созданный Владимиром Мининым почти 25 лет назад, долгие годы составлял гордость отечественного музыкально-исполнительского искусства. Но в последнее время название коллектива практически исчезло с афиш. Нет, хор, к счастью, не распался. Однако выступает теперь перед российской публикой крайне редко. В нынешнем сезоне, например, дал только один концерт в столице.

— Это было 21 января в Большом зале консерватории, — вспоминает Владимир Николаевич. — Совместно с Литовским камерным хором мы исполнили Высокую мессу h-moll Баха — произведение, которое можно услышать не каждый сезон. Был аншлаг. Но прес-са сейчас такие события не освещает, а может быть, нам не везет... Словом, об этом концерте была лишь в одной из газет маленькая заметочка.

В этом сезоне перед коллективом стояла задача выжить. Получая совсем небольшую финансовую поддержку от Министерства культуры, мы теряем — уже отчасти растеряли — кадры. Но несмотря на трудности, в апреле мы все же были на гастролях в Белоруссии. Вокруг бедность, нищета даже, от которой щемит сердце, а в соборе, где мы пели, видели радостные, просветленные глаза. Возникло ощущение, что раз ты нужен этим людям, то не все еще погибло.

— Около 10 лет назад вы попытались объединить свое детище — Московский камерный хор — и Государственный академический русский хор, который после смерти своего руководителя А.В. Свешникова оказался в плачевном состоянии. Какова судьба этой идеи?

— Ее не удалось воплотить. Хотя она сулила большие творческие перспективы. К тому времени камерный хор в репертуарном смысле достиг своего потолка: были исполнены сочинения Борнъянского, Гречанинова, Танеева, Рахманинова, Свиридова, Гаврилина, шедевры западноевропейской музыки. Объединяя силы этих двух коллективов, мы обретали возможность проводить интересные эксперименты в жанре хорового искусства. И еще: я согласился стать руководителем Госхора, можно сказать, ради его будущего. Прекрасно сознавая, что моя профессиональная жизнь движется к финишу, я надеялся воспитать внутри Госхора хормейстеров, которые в дальнейшем могли бы его возглавить. Но необходимой в моих начинаниях поддержки от Министерства культуры я не получил — и через два года подал заявление об уходе.

— Это тем более печально, что как раз в те времена — первые годы перестройки — в русскую нашу культуру влился мощный поток возрожденной русской хоровой музыки прошлых веков, в чем огромная заслуга Московского камерного хора. Русская духовная музыка стала исполняться постоянно. Однако тогда в одном из своих интервью (1989 год) вы сказали, что «сегодняшняя картина лишь отдаленно напоминает уровень художественной культуры прошлого». Может быть, мы приблизились к этому уровню сегодня?

— Отнюдь, картина осталась прежней. Ничего похожего на до-революционную пору! Тогда ду-

ховную музыку дозволялось исполнять в концертах один раз в году — на Пасху. Исполняли ее, как правило, в столичных городах самые достойные коллективы, состоящие из людей истинно верующих. «Господи, помилуй!» — у них интонация этих слов звучала совсем по-другому. Я ведь работал с певцами, которые пели до революции в самых хороших хорах России, общался с регентами, руководившими этими хорами. А мальчишкой в 1936 году пел в Ленинградской хоровой капелле — это были остатки царского хора. Сейчас духовную музыку поют люди, которые сделали это средством добывания денег. И ушло самое главное — атмосфера высокого таинства. Из запретного плода духовная музыка стала плодом вседоступным. Это было бы неплохо, если бы уровень духовности общества был достаточно высок, но этого нет. И вот ремесленник спекулирует на интересе публики.

— Тем не менее 1950–1970-е годы можно, пожалуй, считать временем ренессанса хоровой музыки.

— Вы правы отчасти. Светской русской музыке не повезло, потому что из-за позднего, только в 1861 году наступившего освобождения крестьян лишь в 1890-е годы началось движение по созданию народных хоров. До 1861 года была только церковная музыка. В 90-е годы появляются сочинения Чайковского, Танеева. 1917 год убивает светскую хоровую музыку. Господствовать стал ансамбль военной песни и пляски, потому что сюда обратил свой взор Иосиф Виссарионович Джугашвили. Но вот появляется Свиридов, потом — Гаврилин и другие композиторы. Это не возрождение, это — совершенно новый этап в истории хоровой музыки. Однако по нему ударила перестройка. Что стало выгоднее писать композитору: сложное хоровое сочинение или какой-то шлягер, который сразу же купят за хорошие деньги?

— Однако это факт: советское государство проявляло заботу о музыкальном воспитании детей и юношества, разрабатывало специальные программы развития хорового искусства (наиболее известная из них принадлежит Дмитрию Кабалевскому)...

— На должном уровне это было поставлено при царе-батюшке. Имелся закон, определяющий, что в школе должно быть то-то и то-то. Ушинский сказал: «Ребенка нужно воспитывать буквой, цифрой и нотой». А чтобы «нотой» воспитывать, нужно иметь не просто учителя, а учителя определенной квалификации, большой преданности своему делу. Возьмем пример господина Ломакина. Он был руководителем царской Придворной певческой капеллы, одновременно преподавал в Пажемском корпусе и в Смольном институте благородных девиц. А наше государство в 50-е годы взяло и запретило совместительство. Так что господин Ломакин в таких условиях не смог бы реализовать в полной мере свой талант.

Я не хочу хаять систему Кабалевского, но она в основном была посвящена слушанию музыки. Важно же не только потреблять, но и продуцировать. Раньше, например, председатель общества трезвости Пермской губернии Николай Городцов собирал со своего края хормейстеров на зимние и летние курсы. И когда отмечалось 300-летие Дома Романовых, по всей губернии 300 (!) крестьянских хоров пели музыку из оперы Глинки «Жизнь за царя». Вот вам музыкальная культура народа!

Сегодня нас всех давит груз прагматических проблем. Но не они определяют будущее страны. Как мне кажется, пройдет несколько поколений, и вот тогда появятся люди с другой психологией (homo soveticus — это психология, искаленная по всем статьям), с другим мышлением, с другими потребностями, и начнется созидание. Я свято верю в возрождение России. Потому что это такая страна, которой без интенсивной внутренней духовной жизни не прожить.

— Но ведь даже при советском государстве многие, видя, что идет процесс разрушения отечественной культуры, не оставались безучастными, а били в набат. Почему же тогда к ним никто не прислушивался?

— Давайте сравним советского государственного чиновника с чиновником духовной епархии царской России. Это два разных человека. Первый работает с 9 до 6 вечера, и жизнь начинается для него после работы. А второй работал все 24 часа в сутки, потому что был предан идее. Если совслужащий исправно выполнял свою работу, не делая резких телодвижений (помните поговорку: «Инициатива наказуема?»), то можно было спокойно дожить до старости. Кому было позволено «высунуться»? Только отдельным личностям. Например, мадам Фурцева много сделала для искусства. Рядом с ней были сподвижники. Ее заместитель Владимир Иванович Попов многое брал на себя, если видел в творческом коллективе или человеке какую-то художественную перспективу. Вот этому рангу чиновников можно было что-то делать, а всем остальным — «не высовываться!».

— Я знаю, что не в вашем характере занимать выходящую позицию. Что на сегодняшний день под силу творческим людям?

— Раньше, допустим, если мы захотели разучить и представить слушателям какое-то произведение, — правдами и неправдами находили деньги, шла зарплата, можно было долго репетировать, оттачивать, отделять, наконец собрать два хора и выступить, например, с «Пушкинским венком» Свиридова. Сейчас такое себе позволить нельзя. Приходится «крутиться» для того, чтобы заработать деньги. В этом трудность: надо идти на компромиссы и ухищрения, быть гибче и не позволять себе подолгу работать над одним и тем же. А кто не способен так перестроиться, тот не выживет в нынешних условиях.

— Что станет с молодежью, на головы которой, как вы однажды выразились, постоянно выливаются «музыкальные помои»? В таких условиях выросло уже целое поколение.

— Очень важны первые семь лет жизни. В это время домашним воспитанием должна быть сделана «прививка» классической музыки, хорошей литературы, сказок...

Иной раз я с ужасом смотрю, как по телевизору показывают стоящих перед микрофоном 6–7-летних детей, и они такое выкаблучивают! А в 15 эти дети уже самоуверенно считают себя звездами... Их мамы радуются, не понимая, что этим только калечат детей. Моим учителем был бывший революционный регент, и он воспитывал в нас профессиональное честолюбие, которое, развиваясь, давало положительные плоды. Но когда воспитывают тщеславие, это нелепо. Слава всегда должна быть следствием, а не целью. Поэтому сейчас в искусстве — не звезды, а исполняющие обязанности звезд.

— Значит, вы не завидуете нынешним двадцатилетним?

— Нет,нисколько. Я бы даже хотел родиться лет на 40, а то и 50 раньше, жить в XIX веке. В искусстве прошлого века было больше романтики. Мое поколение еще застало остатки той жизни, что была до 1917 года... Нас слишком много обманывали, и мы так соскучились по правде!

Беседа велла
Маргарита МАРУТЯН.